

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ь.

Представленія корелянцовъ о нечистой силѣ.

Вѣра въ нечистую силу или, по мѣстному названію, «Паха, Пахалайнэ, келно и кару» — сильно развита въ корелякѣ. По его мнѣнію, все рѣшительно на свѣтѣ заселено «Паха» и его служителями: они живутъ и въ озерахъ, рѣкахъ, болотахъ, лѣсахъ, домахъ, дворахъ, баняхъ, ригахъ, и кажется, нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы не было ихъ. «Когда Богъ дѣлалъ («азуй», слова для обозначенія понятія «творить» у корелянцовъ нѣтъ) землю», случилось мнѣ выслушать отъ одного порельяка такой разсказъ, то «пахалайнэ» всячески старался мѣшать Ему въ этомъ дѣлѣ: одно испортить, другое сломаешь... Но Богу, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, удалось таки окончить, «дѣланіе» (азундэ) міра. Отдѣлалъ Онъ землю и вспомнилъ тогда всѣ продѣлки «пахалайнэ», и задумалъ прогнать его со свѣту... Иди, куда знаешь, говорилъ ему Богъ, только не живи на моемъ небѣ и на сдѣланной мною землѣ, выходи вонъ: я никогда не могу забыть всѣхъ твоихъ козней и простить ихъ тебѣ... Возмолился тогда «пахалайнэ», взвылъ дикимъ голосомъ, упалъ передъ Богомъ на колѣни и сталъ всякими ласковыми словами упрашивать Его, чтобы Тотъ позволилъ ему хоть гдѣ-нибудь «приткнуть голову» (пій сідайпѣ). — «Куда же я пойду, говорилъ онъ Богу. Съ неба Ты гоняешь меня, на землю жить не пускаешь, куда же больше идти? — Иди, куда знаешь, говорилъ непреклонный Богъ... Долго «пахалайнэ» упрашивалъ Бога, наконецъ, Тотъ не выдержалъ, смиловившись и согласился дать мѣсто, только въ самомъ ограниченномъ объемѣ; — «Даю тебѣ мѣста на землѣ столько, сколько займетъ конецъ кола». — Спасибо и на томъ, отвѣчалъ «пахалайнэ», и выбралъ изъ зановѣданныхъ лѣсовъ самый, что ни на есть, длиннѣйшій колъ, заострилъ его съ конца и забилъ въ рыхлую, болотистую почву. Весь колъ ушелъ въ землю, только небольшой копчикъ его остался надъ поверхностью».

— А перехитрилъ же ты меня, говоритъ Богъ «пахалайнэ»; я думалъ, что ты колъ просто поставишь на землю и отгнѣряешь себѣ кусочекъ, какой займетъ конецъ его; а ты вотъ какъ это сдѣлалъ... Ну, да теперь ничего не подѣлаешь, слово далъ, отъ слова не отказываюсь.

Вытащилъ «пахалайнэ» колъ изъ земли, и пошла изъ дыры всякая нечисть въ образѣ мухъ, комаровъ, гадовъ, лягушекъ, пауковъ... и вся эта гадость разсыпалась по землѣ. Часть пошла въ воду — въ озера, рѣки и «лабмы» (небольшія лѣсные озера) — и явились водяники; другіе пошли въ лѣса — и произошли лѣсовики; иные пошли по домамъ, дворамъ, ригамъ и банямъ и явились домовые, дворовые, баняники, а часть — такъ таки и разсыпалась въ воздухѣ... И чтобы и было, если бы Богъ не затнулъ этой дыры горящей головней!? Вотъ съ тѣхъ поръ, заключилъ мой разсказчикъ свое повѣствованіе, и живетъ на землѣ нечистая сила».

Увѣренность кореляка въ повсемѣстности «папа» такъ сильна, что рѣдкій изъ нихъ осмѣлится утромъ выйти изъ дому, не принявъ ранѣе нѣкоторыхъ средствъ, застраховающихъ отъ дѣйствій этого нечистаго духа.

«Зачѣмъ ты, Пекко, спрашиваю я одного кореляка, который, какъ только утромъ всталъ, прежде всего полѣзъ къ корзинѣ съ мукой и взялъ пастъ ея и съѣлъ,—зачѣмъ ты утромъ прежде всего муку ѣшь? Привычка что ли у тебя такая?—А какъ же безъ этого?..» возразилъ Пекко, какъ безъ «пюггаллядъ» («пюггалле»—святое,—такъ кореляки называютъ все, приготовленное изъ муки) выйдешь на улицу? Какъ разъ, глядишь, «папалайнэ» и напуститъ на тебя что-нибудь недоброе...

И дѣйствительно, часто такі «папалайнэ» «напускаетъ» на суевѣрнаго кореляка. Большая часть болѣзней имъ объясняется дѣйствіями его нечистой силы. Заболѣетъ ли кто лихорадкой или сухоткой, наживетъ ли кто разстройство желудка, зубную боль или чесотку,—все это объясняется гнѣвомъ или иначе «носомъ» (нэнэ) «папалайнэ». Напьется ли кто воды изъ лѣснаго колодца, посидитъ ли на пнѣ срубленнаго дерева да притомъ подумаетъ что нибудь нехорошее, глядь—и нажилъ себѣ «нось» нечистаго.

— Разъ пришлось мнѣ, рассказывалъ крестьянинъ села Вешкелицъ, Петрозаводскаго уѣзда, переходитъ ѣчерезъ небольшой ручеекъ, который почему-то у насъ называется рѣкой-дѣги. Перешелъ это я и со смѣхомъ подумалъ—зачѣмъ эту канаву—она называютъ рѣкой-дѣги. Какъ только подумалъ, сразу же почувствовалъ, что у меня въ брюхѣ что-то какъ-будто порвалось, и въ глазахъ потерялся свѣтъ. И съ того времени недѣли три не могъ ни ѣсть ни пить и болѣлъ такъ сильно, что не приведи Богъ ни самому лютому врагу болѣть такою болѣзью. Ко всѣмъ колдунамъ обращалась жена; меня и въ банѣ парили, и обливали холодной водой въ самую полночь, били по плечамъ громовымъ камнемъ (камень, образующійся въ тѣхъ мѣстахъ земли, куда ударить грозой),—ничто не помогало. Тогда напослѣдокъ жена рѣшилась идти къ одному колдуну, который излѣчивалъ только отъ «носа». Взяла это она у меня крестъ съ шеи и понесла къ нему. Какъ только колдунъ посмотрѣлъ на крестъ, такъ таки прямо и говоритъ: у твоего мужа «нось воды» (ведэнъ нэнэ), т. е. хозяинъ воды сердится на него; пусть онъ припомнитъ, гдѣ оскорбилъ воду и по три ночи пусть ходитъ туда съ пирогами и умоляетъ ее, Приходитъ дождь жена и рассказываетъ: у тебя молъ все это отъ воды, носъ воды. Сразу я тогда вспомнилъ свою опрометчивую насмѣшку надъ рѣкой и въ первую же полночь рѣшилъ идти къ вей—просить прощенія. Жена напекла сканцевъ съ кашей и «чупуковъ» (овсяные блины съ жидкой молочной кашей), и послѣ заката солнца мы съ ней отправились въ лѣсъ къ рѣкѣ. По три ночи ходилъ я туда съ пирогами, на колѣняхъ просилъ прощенія у хозяина рѣки... И что же думаете?... болѣзнъ какъ рукой сняло, и до сихъ поръ, въ добрый часъ будь сказано, никакой хворь не знаю, словно молодымъ парнемъ снова сдѣлался, такую легкость въ себѣ чувствую... И такіе случаи въ Корелѣ не рѣдкость. Мнѣ самому разъ пришлось найти въ лѣсу ржавыя лепешки, бережно положенныя на сукъ дерева, —приношенія болящаго кореляка. Въ первый разъ меня это очень поразило,—спрашиваю: зачѣмъ эти ржавыя лепешки сюда принесены?—Да должно быть кто-нибудь изъ крещеныхъ (ристиканзъ) боленъ, такъ привнесъ «пюггаллядъ»... спокойно отвѣтилъ мой спутникъ, которому, очевидно, не въ диковинку видѣть и знать объ этихъ суевѣрныхъ приношеніяхъ...

Обиліе рѣкъ и озеръ и густыхъ лѣсовъ—породило между кореляками массу сказаній, о проживающихъ здѣсь «папа». Ихъ сколько разъ видѣли мѣстные крестьяне, разговаривали съ ними, смѣлые даже ошупывали ихъ... И всѣ эти рассказы передаются съ такимъ убѣжденіемъ въ истинѣ, сознаніемъ правоты, что слушателю нѣтъ возможности не вѣрить...

Видѣвшіе водяника рассказываютъ, что онъ представляетъ изъ себя безобразное существо, покрытое длинною черною или рыжею шерстью. Тѣло у него, какъ у старой женщины, съ длинными отвислыми грудями, а уши-длинные какъ у коровы. Въ жаркіе дни, въ тихую погоду, водяникъ нерѣдко всплываетъ на поверхность воды, садится на камень и начинаетъ расчесывать гребнемъ свои косматые, длинные волосы. Въ такомъ положеніи его видѣли очень многіе изъ крестьянъ и преимущественно бабы. Вотъ что

напр., рассказывал мнѣ одинъ Святозерскій крестьянинъ (Петроз уѣзда) Харлампій Богдановъ. «Былъ воскресный день въ среднихъ числахъ іюля. Соснувъ часть, другой послѣ обѣда, я вышелъ изъ дому и направился въ село побесѣдовать съ мужиками-сосѣдами. Дорога въ село проходила мимо озера. Иду это я дорогой и раздумываю кой о чемъ, Взглянулъ я на озеро да такъ и остолбенѣлъ: въ шагахъ 25—30 отъ берега сидѣлъ водяникъ и расчесывалъ волосы;—вида онъ былъ чернаго и величиною съ добрую лошадь»...

Случилось, рассказываютъ старые люди въ Корелѣ, очень давно тому назадъ, что дѣтище водяника попало въ неводъ. Что такъ грузевъ неводъ, недоумѣваютъ мужики, таща сѣти на берегъ. Вытащили... и что же? Въ сѣтяхъ оказался сынъ водяника, такой маленькій, рыженькій... Одинъ изъ крестьянъ кричатъ: на берегъ его моль слѣдуетъ выкинуть (кричатъ по-корельски) и указываютъ при этомъ руками въ гору, а водяникъ, понимая какую шутку хотятъ шутить съ нимъ крестьяне, только твердитъ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Иные же, болѣе благоразумные изъ крестьянъ, совѣтуютъ спустить его обратно въ воду и машутъ руками по направленію къ озеру; на ихъ совѣты водяникъ только и частитъ: да, да, да... «По корельски, вишь, замѣчаетъ старикъ-рассказщикъ, не умѣлъ онъ» Рѣшили крестьяне большинствомъ голосовъ—пустить сына водяника обратно въ озеро; спустили, и на другой день одному изъ рыбаковъ приснился сонъ: счастливы, говорятъ самъ водяникъ во снѣ, счастливы, что отпустили сына моего на волю, въ воду, а ве то иначе бы всѣхъ васъ уморилъ съ голоду: ни рыбки, ни малька я больше не далъ бы вамъ ни въ снѣ, ни въ неводѣ»

У каждого водяника (ведѣнна, вези-кунингуой) въ своемъ озерѣ или рѣкѣ есть свой собственный дворецъ. Палаты его очень роскошны и сдѣланы изъ такого чистаго хрусталя, какъ первый осенній ледъ. «Рѣдко кому удается видѣть его дворецъ, говорятъ кореляки, а если бы можно было посмотреть его, то очень легко выжить оттуда водяника: для этого слѣдуетъ только взять капелъку «живой руты» (элявидъ артудъ) —рутуть кореляки всегда называютъ живой»), капнуть на крышу его дворца, и онъ тотчасъ убѣжитъ вонъ далеко, далеко»...

Подъ водой у водяника цѣлое хозяйство. Онъ живетъ здѣсь, какъ богатый запасливый помѣщикъ, не зная ни въ чемъ нужды и лишеній. «Разъ моя бабка п дѣдъ, рассказывалъ тотъ же Святозерскій крестьянинъ, поѣхали въ лодкѣ на пожню. Почти подѣзжали они къ пожнѣ, какъ бабка моя замѣтила, что изъ воды на берегъ выскакиваютъ коровы,—коровы комоля, съ короткой лоснящеюся шерстью и очень сытыя. Это коровы «вези-кунингуойнъ», замѣтила бабка, и если бы успѣть покатать крови съ безымяннаго пальца на каждую корову, то всѣ онѣ были бы паши». . Какъ только сказала она это, коровы всѣ поскракали обратно въ воду, и изъ воды вдругъ высунулась большая, покрытая черною шерстью рука и схватила за бортъ лодки... Хорошо еще, что берегъ оказался близко, а то «вези-кунингуой» непремѣнно успѣлъ бы опрокинуть лодку.

Хотя рѣдко, но иногда случается, что водяникъ дѣлаетъ и пакости человѣку: онъ топить лошадей, во время купанья ихъ, перевертываетъ лодки съ ѣдущими въ нихъ людьми и задушаетъ неопытныхъ купальщиковъ, особенно хвастающихъ своимъ умѣньемъ бойко плавать и нырять. Разсказовъ о такихъ несчастныхъ случаяхъ ходитъ въ народѣ очень много. Чтобы освободиться отъ водяника, уже успѣвшаго схватить свою жертву, существуетъ лишь одно средство: съ берега слѣдуетъ бросать въ воду мелкіе камни и песокъ,—этого водяникъ очень и очень страшится; оставляетъ свои злыя шутки и уходитъ въ глубину водъ.

Лѣсовикъ-метчѣлѣйнэ, по воззрѣніямъ кореловъ, представляется высокнмъ мужчиной, одѣтымъ въ военное платье: на головѣ у него красная фуражка и вся одежда въ мѣдныхъ блестящихъ пуговицахъ, оттого то онъ иногда называется «нублюкязъ» — пуговичникъ. О продолжкахъ лѣсовика существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ разсказовъ. Такъ, многіе изъ охотниковъ, во время ночевки въ лѣсу, часто слышали его дикій хохотъ, пѣніе и унылое завываніе. Часто встрѣчали его и днемъ въ лѣсу... «Пришелъ разъ онъ ко мнѣ навстрѣчу, рассказывалъ одинъ крестьянинъ, видѣвшій лѣсовика, пришелъ подъ вечеръ, когда я возвращался изъ лѣсу домой,—высокаго росту и весь въ

пуговицахъ. Сталъ на дорогѣ предо мной и заговорилъ: «А жаркій сегодня былъ день...» Чѣмъ больше и дальше онъ говорилъ, тѣмъ все глубже и глубже увлекалъ меня въ лѣсъ. Цѣлыхъ трое сутокъ я ходилъ съ нимъ, вмѣсто хлѣба и другаго съѣстнаго на обѣдъ и ужинъ мнѣ подавали конинныя навозы. Говорили мы съ нимъ много и обо всемъ, но о чѣмъ именно, не запомню. Въ первые дни мнѣ и въ голову не приходило, что я на «худыхъ слѣдахъ» (пагуойлъ дягилъ), только ужъ на третій день сообразилъ, что я не безъ чуда брожу столько дней, а домой все не попадаю...

Вспомнилъ на счастье тогда я первую фразу, которой «метчѣйлайнэ» началъ со мной разговоръ, взялъ это да и брякнулъ ее въ бесѣдѣ съ нимъ: «А жаркій сегодня былъ день.. Какъ только сказалъ, — «метчалайнэ» вдругъ захохоталъ и, со словами: «ты, братъ, вижу я, говорить толкомъ не умѣешь, а повторяешь разъ сказанныя слова», — пошелъ отъ меня прочь съ крикомъ, шумомъ, и долго еще слышно было, какъ ломались деревья подъ его сильными ногами. «Ну, думаю я, слава тебѣ Господи, отвязался отъ «худаго—пагасъ...» На первомъ же перекресткѣ снялъ съ себя всю одежду, отрясъ ее старательно, чтобы не занести нечистаго домой, и потомъ, благословясь, отправился домой. Придя домой я самъ диву дался, куда меня занесла нечистая сила! Верстъ за 60—70 отъ своей деревни ушолъ, да въ такой глухой лѣсъ, что въ другое время не зналъ бы да и не умѣлъ бы какъ туда и пробраться...

Лѣсъ, рассказывалъ другой корелякъ, полонъ нечистой силы—«метчѣйлай жидъ». Но мы не каждый разъ видимъ ее, а не видимъ потому, что у лѣсовника есть особенная способность: принимать ростъ, равный высотѣ тѣхъ деревьевъ, подлѣ которыхъ онъ стоитъ. Стоитъ онъ, примѣрно, подлѣ высокой ели, и кажется тебѣ, что подлѣ ели стоитъ еще другая ель, а между тѣмъ на самомъ то дѣлѣ—это и есть лѣшій. Въ маленькомъ лѣску онъ самъ становится маленькимъ, а потому его опять и не отличить отъ деревьевъ. Да чтобы и было, заключилъ онъ свой рассказъ, если бы у лѣшаго не было такого свойства, тогда и въ лѣсъ то не вышелъ бы никогда, на каждомъ шагѣ торчалъ бы онъ—«худой» и пугалъ бы своихъ видомъ «крещенныхъ»—ристиканзаубидъ.

Бывали случаи, что лѣсовникъ похищалъ людей и вводилъ ихъ съ собой на всегда. Чаще это происходитъ тогда, когда проклинали родители своихъ дѣтей и опрометчиво говорятъ: хоть бы лѣшій тебя взялъ, хоть лѣшій унесъ бы тебя съ моихъ глазъ... Такъ, въ д. Сюръгъ (Святозер. волости, Петроз. уѣзда) былъ такой случай. Одна крестьянка мать пошла въ лѣтній день утромъ на работу. Дочка ея, небольшая дѣвочка, никакъ не хотѣла остаться одна дома, и съ плачемъ бѣжала вслѣдъ за матерью, прося ее—взять съ собой. Мать всяко упрасивала дочку возвратиться домой; но когда все это не дѣйствовало, она, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, неосторожно съ горяча выпалила: «а лѣшій бы лучше тебя взялъ, когда не даешь мнѣ волю идти на работу».

Дѣвочка потомъ скоро угомонилась и пошла обратно домой. День цѣлый пробыла въ лѣсу неосторожная мать. Вечеромъ приходитъ домой и что же?.. Дѣвочка какъ бы по виду и дочка, но только чуетъ материнское сердце, что она не настоящая дочь: «метчѣйлайнэ» подмѣнилъ дочь и на мѣсто ея подсунулъ одну изъ своихъ прислужницъ.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени догадки матери оправдались: дѣвочка оказалась «во полного человѣческаго разсудка» (эй тавъ ристиканзауиъ-миеллини). Но что же съ ней подѣлаешь? Ее выселили изъ избы въ особый чуланъ, темный, безъ оконъ, до самой смерти кормили тамъ и до самой смерти глядѣли на нее, несчастную, какъ на исчадіе лѣшаго... Случилось разъ, что неосторожная въ словахъ мать увидѣла свою дѣйствительную дочь. Было это дѣло въ лѣсу, въ зимнее время, во время вывозки бревенъ лѣсопронишленникомъ. «Я, рассказывала потомъ сама мать, долго не могла заснуть въ одну ночь на воскресенье. Кажется. «нуджой» (костеръ, состоящій изъ двухъ бревенъ, положенныхъ вдоль другъ на друга, при томъ между бревнами дѣлается лотокъ, въ который и вкладется огонь. Пламя отъ сложенныхъ такъ бревенъ бываетъ не сильно, но держится, не потухая, до самаго утра. Тепла бываетъ достаточно только для невзыскательнаго кореляка) горѣлъ хорошо, и тепла было вдоволь, но я никакъ не могла забыться сномъ, который такъ былъ мнѣ нуженъ послѣ трудовъ тяжелой недѣли... Уже подъ самое утро, когда стало свѣтать, вдругъ я услышала шумъ отъ идущихъ по сѣбгу

саней. Чрезъ нѣсколько времени изъ лѣсу выѣхалъ на черной высокой лошади мужчина, одѣтый въ приличное платье: на немъ былъ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, съ чернымъ же башмакомъ воротникомъ; на головѣ хорошая бобровая шапка, точь-въ-точь какъ у прикащика. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвушка, также очень хорошо одѣтая. Я, признаться, подумала сначала, что это должно быть прикащикъ прѣѣхалъ для пріема дровъ... Но зачѣмъ же тутъ рядомъ съ нимъ дѣвушка?.. Когда подѣхали ближе, то въ сидящей дѣвушкѣ я узнала свою Огуой Агафью-дочь, которую унесъ лѣшій). «Не бойся, говорить, мама, это я—твоя дочка Огуой. Меня послѣ того разу, какъ ты прокляла, унесъ лѣшій — метчѣйпнэ. Жить мнѣ у него и хорошо бы, да скучно по дому. Мы съ нимъ все ѣздимъ по лѣсу, и иногда только, когда ѣсть захочется, заглядываемъ въ деревни и города. Кто положить что-нибудь изъ съѣстнаго безъ благословенія, то мы съ нимъ и съѣдимъ, а на мѣсто конный навозъ подлагаемъ. У меня съ нимъ уже и ребенокъ есть... Если ты, мама, хочешь меня возвратитъ къ себѣ, то сними со своей шеи крестъ и, какъ можно проворнѣе, накинъ его мнѣ на шею... Тутъ уже лѣшій не будетъ имѣть власти надо мной, и я навсегда останусь съ вами.—Вѣсто того, чтобы скорѣе исполнить совѣтъ дочери—накинуть на воротъ ея крестъ, я, дурища, рассказывала крестьянка, вѣсто этого такъ перепугалась, что не смѣла даже шевельнуться... Постояли сани предо мной еще такъ минутъ съ полдесятокъ, а потомъ, какъ птица (каку лпиду), понеслись впередъ. Нѣсколько разъ, видѣла хорошо, Огуой оборачивалась ко мнѣ, кивала головой въ знакъ прощанія и смотрѣла такъ печально, печально...

Дворовый—«*муа-хардй*» является въ видѣ кошки или собаки. Его рѣдко кто видѣлъ, но иногда хозяйкамъ-бабамъ случается замѣтить, какъ онъ по вечерамъ, во время доенія коровъ, осторожно крадется по двору, по самый край стѣны... «Сижу это я разъ на дворѣ, рассказывала одна корелка, и дою корову; вижу какъ будто кто-то медленно движется о самую стѣну; видюмъ, — какъ кошка, промолъ мимо, посмотрѣлъ разъ на меня и сразу скрылся у порога хлѣва». Дворовый кждаго двора любитъ скотину только нѣкоторыхъ извѣстныхъ мастей. «Что же ты, Микко (Никита), спросишь много крестьянина, не купишь такой-то коровы? Корова хорошая и просить за нее недорого. — Корова то хорошая, и цѣна невысокая, лѣниво возразить онъ, можно бы и купить да, вишь, дѣло-то въ чемъ, черной шерсти она, а «мой» черныхъ не долюбиваетъ». И, не дай Богъ, если хозяинъ, по своему незнанію, заведетъ у себя такую скотину, масть которой не по вкусу дворовому. Онъ такъ или иначе, рано или поздно изведетъ ее; такую скотину какъ ни корми, какъ ни пой, а она всегда будетъ хуже другихъ: тощая, паршивая, постоянно въ навозѣ... За то, хорошо той скотинѣ, которую любитъ «*муа-хардй*». Онъ по ночамъ самъ кормитъ ее, гладитъ, чиститъ, а у лошадей даже заплетаетъ гривы. Бываетъ иногда такъ, что корова ночью, во время сна, наваливается бокомъ на «*муа-хардй*», и это ей не обходится даромъ: на другой же день у ней вспухаетъ вымя и бока, и только наговорная соль знахарки излѣчиваетъ ее отъ этого недуга...

Таковы вкратцѣ суевѣрные представленія кореляка о нечистой силѣ... И думаю, что много еще лѣтъ суждено миновать, прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь разсѣется этотъ густой туманъ невѣжества, такъ плотно пока окутывающій весь этотъ край...

Н. Лысковъ.

Замѣтки по этнографіи бѣлоруссовъ.

II ¹⁾.

Къ сообщенію, сдѣланному мною раньше, я прибавлю ниже еще нѣсколько данныхъ. Цѣль и порядокъ настоящаго сообщенія тѣже, что и предыдущаго. Матерьяломъ для составленія настоящихъ замѣтокъ послужили отвѣты священниковъ и народныхъ учителей на вопросы, разосланные Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Матерьялы эти были обязательно предоставлены мнѣ названнымъ комитетомъ, за что я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность секретарю комитета Александрѣ Павловичу Смородскому.

¹⁾ См. I ст. въ Жив. Стар. II. 1893.